

ВАЛЕРИЙ КАЗАКОВ,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины

Концепция нового социального конфликта Алена Турена

Abstract

The paper comprehensively analyzes the approach to a problem of a new social conflict suggested by the well-known French sociologist Alain Touraine. According to A. Touraine's 'sociology of action', the substance of conflict at the macrolevel comes through implementation of historicity, or a society's ability to construct itself using a set of sociocultural patterns. The essence of a new conflict is not expressed through a fight for justice, freedom, brotherhood or equal rights anymore. It lies in the struggle for happiness as a general inner feeling of satisfaction. Generally, the Authority and the Human become key actors of a new conflict. Its distinctive features, such as totality, expanding scope, diffuse and permanent nature, constructedness, de-institutionalization and ubiquity determine individualized, spontaneous and recurrent character of conflict in all spheres of social life.

This is a collective-supported struggle of everyone for all — against administrative machinery and any form of domination, even against established norms and rules. At the mesolevel, conflict manifests itself in the form of new social movements considered as direct conflict actions. Those movements do not support any ideology or power struggle (like working class movement at an earlier time). They are neither related to any political organizations nor help to win popular vote. Instead of this, new social movements declare certain ideas, values, and goals meeting with approval among most people. At the microlevel, conflict is mirrored in a research technique of sociological intervention that firstly implies in-depth study of small social groups and behavior of their members over a long period of time.

Современная социология конфликта, как и конфликтология, исходит из того, что конфликт в обществе является нормой, то есть в социуме с неизбежностью происходят различные по содержанию и форме, по их субъектам, механизмам протекания и последствиям социальные конфликты.

Переход наиболее развитых стран к постиндустриальному этапу развития, активизация процессов модернизации и даже постмодернизации — в

других, становление нового типа обществ, как бы их ни называли (постиндустриальное, информационное и т. д.), не могли не породить новых социальных конфликтов внутри того или иного конкретного социума, участниками которых становятся новые субъекты. В частности, это нашло наиболее яркое проявление в целой цепи произошедших в недавнем прошлом в разных странах “бархатных”, “цветочных”, “исламских” и иных революций, представляющих собой одну из форм новых внутрисоциальных конфликтов.

Масштабные и качественные изменения во всем мире, уже состоявшиеся и продолжающиеся в настоящее время, в частности, распад Советского Союза, ускоренное развитие таких стран, как Индия, Китай, Бразилия, превращение их в значимых мировых акторов, расширение “клуба” ядерных держав, рост количества стран, обладающих ракетным оружием, и т. п. — все это не могло не затронуть и сферу конфликтов и привело к появлению новых типов конфликта.

Новые социальные конфликты стали объектом различных теоретических и эмпирических исследований, базой для разработки ряда концепций и теорий, в рамках которых их авторы (Р.Дарендорф, С.Хантингтон, И.Валлерстайн, А.Тоффлер, А.Аккорнеро и др.) пытались понять, что такое современный социальный конфликт, каковы его сущность, содержание, особенности, в чем его отличие от старого классового конфликта, каковы его формы, типы, последствия и т. д.

Новый социальный конфликт стал предметом исследования и известного французского социолога Алена Турена. Его концепция нового социального конфликта базируется на нескольких основополагающих тезисах.

Во-первых, одной из основных категорий “новой социологии” (“социологии действия” или “социологии общественных движений”) А.Турена является категория “историчность”. В частности, он пишет, что должен “заменить представление об общественной жизни, основанное на понятии общества, эволюции и роли, другим, в котором такое же центральное место займут понятия историчности, общественного движения и субъекта”. Под историчностью он имеет в виду “способность общества конструировать себя, исходя из культурных моделей и используя конфликты и общественные движения” [1, с. 9–11], или, коротко, “способность обществ производить самих себя” [1, с. 42]. Однако историчность — довольно сложная категория, которую нельзя трактовать упрощенно и однозначно.

Прежде всего следует выделить ее основные атрибутивные характеристики и смыслы. Историчность действительно представляет собой способность общества конструировать или производить и изменять себя. Вместе с тем она предполагает совокупность различных ресурсов, в первую очередь, не материальных, а культурных, точнее, социокультурных, то есть “совокупность инструментов, культурных ориентаций, можно бы сказать, инвестиций, с помощью которых формируются различные виды общественной практики” [1, с. 58] и общество само себя преобразует, конструирует. В свою очередь, культура является совокупностью средств и моделей, которыми действующие лица стремятся управлять, которые они хотят контролировать, осваивая их или обсуждая между собой превращение их в социальную организацию. Таким образом, культурные модели, преобразуя общество, сами являются объектом управления, контролирования, а следовательно, и конфликта, а также объектом деятельности по их созданию со стороны определенных социальных сил. По своему содержанию они охватывают

разного рода образцы — от моральных постулатов до познавательных парадигм, от способов экономического поведения до представлений о способности общества воздействовать на самого себя [см.: 1, с. 65], а также средства и методы управления, общественные практики, нормы и институты и т. д. В целом культурные модели соответствуют, хотя и не тождественны тому, что вслед за Бурдьё называют социальным, интеллектуальным, культурным, политическим и иными видами капитала. Историчность как воплощение данных моделей в конструировании обществом самого себя реализуется посредством социального конфликта, то есть историчность предполагает наличие в обществе социального конфликта.

Во-вторых, Ален Турен, говоря о конфликте, имеет в виду “центральный конфликт”, существующий как во всех современных, так и во всех предшествующих обществах. Однако новый, современный конфликт, по его словам, “не означает ни противоречия, ни бунта, он является социальной формой историчности, самопроизводства общества” [1, с. 82]. В терминах современных теорий конфликта, это скорее не реально протекающий, а лишь потенциальный конфликт. Он разделяет сообщество на две социальные группы: тех, кто является агентом и хозяином культурных моделей, управляет ими, и тех, кто принимает в них лишь зависимое участие, воспринимает их как некую данность и стремится освободить их от влияния со стороны власти.

В обществе существует некий правящий класс как “особая социальная группа, принимающая на себя груз историчности”. Отождествляя себя с историчностью, он в то же время отождествляет ее со своими особыми интересами и является “прогрессистским” в той мере, в какой приводит в движение самый высокий уровень воздействия общества на самого себя и ведет борьбу против прежде господствовавших слоев и старых инструментов социального контроля. То есть любой правящий класс склонен отождествлять себя с историчностью и реализовать ее, устанавливая и подерживая в обществе социальный порядок. Он свободен от принудительных норм, существующих в обществе, будучи способен использовать их в своих интересах и добиваться для себя, благодаря этому, выгод и привилегий, которые он активно защищает [см.: 1, с. 137].

В любом индустриальном обществе “центральный конфликт” идентичен; различие состоит в некоторых особенностях, и в этом смысле его можно назвать типичным конфликтом. К тому же противостоящие друг другу в конфликте стороны находятся в одном культурном пространстве, и “борьба между классами идет за контроль над неким культурным полем, за управление средствами, с помощью которых общество само “себя производит”...” [1, с. 65]. В частности, конфликт промышленников и рабочих разворачивается “в центре индустриального общества, оба лагеря верят в промышленность и разделяют одни и те же культурные цели, но борются между собой за то, чтобы придать промышленной культуре противоположные социальные формы” [1, с. 20]. Собственно, они борются за управление индустриализацией, за те или иные средства и методы ее осуществления, а также за ту или иную специфическую форму индустриальной организации труда [см.: 2].

В-третьих, центральный и, по существу, лишь потенциальный конфликт материализуется в общественном движении. Это третий и базовый тезис Турена. Однако в данном контексте его трактовка историчности представляется несколько неоднозначной. Так, он пишет, что “общественное движение — это конфликтное действие, с помощью которого культурные ориентации, поле ис-

торичности трансформируются в формы общественной организации, определенные одновременно общими культурными нормами и отношениями социального господства” [1, с. 87]. При этом, с одной стороны, Турен подчеркивает, что общественное движение есть действие субъекта, “культурно ориентированное и социально конфликтное действие некоего общественного класса, который определяется позицией господства или зависимости в процессе присвоения историчности, то есть тех культурных моделей инвестиции, знания и морали, по отношению к которым он сам ориентирован” [1, с. 89]. А значит, речь идет о реальном, а не потенциальном конфликте. Но, с другой стороны, Турен сводит общественное движение к его субъектам, “действующим лицам, противопоставленным друг другу отношениями господства и конфликта”, имеющим “одинаковые культурные ориентации” и борющимся за “общественное управление ... культурой и диктуемыми ею формами деятельности” [1, с. 20]. Далее, он отмечает, что понятие “общественное движение” — новое по отношению ко всему тому, что мы могли бы назвать общественными силами, “будь то в рамках эволюции (силы прогресса или сопротивления прогрессу) или функционирования данной системы” [1, с. 41]. И наконец, Турен утверждает, что между понятиями общественного движения и класса существует довольно большая близость. Но, отмечая, что в рамках его теории “предпочтительнее говорить об общественных движениях, а не об общественных классах” [1, с. 9], сам довольно часто вместо понятия “общественные движения” использует категорию “классы”: “Социальные классы — это не просто группы, обладающие неравными ресурсами или возможностями. Правящий класс руководит историчностью, то есть совокупностью средств, с помощью которых общество не воспроизводится, а производит свое собственное существование и его смысл... общество, наделенное историчностью, способностью к самоизменению, обязательно разделено на классы: высший класс управляет накоплением, а народный класс испытывает на себе тяготы накопления” [1, с. 77]. В другом же месте, начав с того, что социальное использование культурных моделей разделяет действующие лица, он пишет, что их “можно назвать классами или общественными движениями” [1, с. 193].

Вместе с тем можно сказать, что, говоря о классах, Турен подразумевает разделение общества на две основные социальные группы в центральном конфликте, являющимся лишь потенциальным, в рамках которого класс еще не стал действующим субъектом. Когда же Турен пишет об общественном движении, то речь идет уже о конкретных действиях субъекта в реальном конфликте, который и является общественным движением.

Безусловно, Турен понимает, что фиксируемый им, как и многими другими, кризис социологии отражает кризис старого, или современного ему общества, его изменение и трансформацию, переход к новому обществу. Но к какому обществу осуществляется переход, каковы его наиболее характерные черты, какова его сущность?

С точки зрения Турена, это общество можно назвать сверхиндустриальным, “в том смысле, что большие организации распространяют свое влияние не только на область производства, но почти на все аспекты общественной жизни — от информации до здоровья, от научных исследований до урбанизации” [1, с. 40]. Он критикует и отбрасывает идею о децентрализующей роли новой техники. В противоположность ей Турен высказывает идею о концентрации и все более возрастающей роли власти и государства в новом обществе, в котором власть не только предписывает формы организации труда, как в

индустриальном обществе, но и “предписывает род жизни, поведения, потребностей” [1, с. 40]. Власть становится (через предписывание, навязывание) тотальной, проникает во все сферы жизнедеятельности человека и начинает господствовать в них. Изменяется и власть, и само общество, поэтому “нужно ожидать почти повсюду появления новых действующих лиц и *новых общественных конфликтов*. Тогда *задача социологии* видится в том, чтобы изучать эти действующие лица и конфликты, что предписывает ей совершенно отказаться от поиска “законов общественной жизни”, какой бы природы они ни были” (курс. мой. — В.К.) [1, с. 40], — утверждает Турен.

Однако понимания нового общества только как сверхиндустриального, с его точки зрения, недостаточно. Не совсем точно было бы назвать новое общество и техницистским. Наиболее адекватно определение его как программированного. Для такого общества характерно создание колоссальных аппаратов производства и управления информацией в большинстве, если не во всех областях его функционирования, что ведет к новой концентрации власти даже там, где ранее она была незначительной. Более того, в таком обществе аппараты различных видов власти (политической, экономической, научной, религиозной и т. п.) оказываются тесно взаимосвязанными, что еще более увеличивает ее концентрацию и могущество. Этой концентрации благоприятствует модернизация, ускорение изменений, атомизация общества, разрушение традиций, лишение человека его корней (семейных, географических и т.д.).

В программируемом обществе власть не только вмешивается в условия организации труда и производства, но и отождествляет себя с управлением всеми системами информации, что позволяет ей определять, навязывать, контролировать и использовать в своих интересах средства и способы технических, технологических и иных изменений, а значит, по существу, программировать их результаты. Технологический выбор оказывается, прежде всего, политическим, а в более широком плане — культурным или социальным (в наиболее широком понимании этого термина), не зависимым от самой техники и технологии. “Социальная власть, вмешиваясь непосредственно в сферу производства, определяет и направляет употребление технологии” [1, с. 135], — считает Турен. С его точки зрения, чем больше технологическая детерминация общества, тем ниже уровень его развития. Поэтому новое программируемое общество характеризуется, в первую очередь, “растущей способностью коллективов воздействовать на самих себя” [1, с. 40] — производить самих себя, производить свои потребности, создавать их, исходя из своих интересов. В наиболее широком плане — не использовать или просто контролировать имеющуюся в действительности реальную историчность, а производить, конструировать ее.

Вопрос в том, кто реализует данную функцию и в чем состоит центральный социальный конфликт нового общества. “Соблазнительно, прежде всего, сказать, что центральный социальный конфликт состоит в противостоянии директоров и служащих, тех, кто задумывает, формулирует и управляет программами производства, и тех, кто их применяет и испытывает” [1, с. 137]. Однако в настоящее время происходит постепенная пролетаризация сначала низших чиновников, затем средних, а вслед за ними и “профессионалов”, то есть служащих самого высоко ранга. В программируемом обществе противостоят большие аппараты управления и производства, с одной стороны, и потребители — с другой: система образования, например, противостоит кон-

кретным ученикам, студентам или тем, кто выступает от их имени (новые общественные движения); государственный аппарат противостоит конкретным гражданам, выступающему от их имени гражданскому обществу, новым общественным движениям. Аппараты власти, или системы власти создают потребности конкретных социальных акторов (потребителей) либо пытаются все в большей мере влиять на спрос как отдельных индивидов, социальных групп, так и общества в целом, придавая большую значимость тем их потребностям, которые должны отражать интересы власти как социального института. Эту специфическую “власть аппарата уместно называть *технократией*” [1, с. 138], причем независимо от характера аппарата, который может быть государственным, частным, общественным, капиталистическим или социалистическим, коллективистским и т.д. Поэтому технократию нельзя отождествлять только с государственной администрацией, включая центральную, и с государством как таковым. Вообще потребитель должен исходить из собственных потребностей, но технократия создает для него и навязывает ему иные, соответствующие ее интересам. Следует также подчеркнуть, что технократия не является неким конкретным лицом или даже группой лиц, которые также являются потребителями, технократия — это власть вообще, власть как некий социальный институт, власть любого характера, типа и формы. С другой стороны, потребности потребителя в новом обществе — это и некая количественно измеряемая их совокупность, и некие потребности качественного характера, являющиеся глубокими базисными основаниями личности. Отражающие их “понятия не имеют ясного социологического смысла, но они указывают на волю противопоставить технократическому моделированию спроса другой образ жизни, другие предпочтения” [1, с. 138]. В значительной мере они выражают социальную, культурную, политическую и иного вида автономию актора (личности), или его самостоятельность, возможность реализации творческого потенциала и самореализации.

Данные потребности должны выразиться в некоем общем, объединяющем их центральном пункте. В предшествовавшем программированному обществу социумах такими пунктами были свобода, справедливость, тогда как в нем “центральным пунктом протеста и требований является *счастье*, то есть образ такой организации общественной жизни в целом, который определен в зависимости от потребностей, выраженных самыми разными индивидами и группами” [1, с. 139].

Счастье выступает как некий общий знаменатель для всех социальных акторов, участвующих в социальном конфликте программируемого общества, как их наиболее абстрактная потребность, цель и задача, а также наиболее всеобщий результат столкновения. При этом его достижение за счет несчастья других отрицает само достижение счастья данным актором, то есть счастье за счет несчастья других невозможно.

Например, конкретным проявлением достижения этой стратегической цели будет, с точки зрения Турена, актуализация и решение проблемы самоуправления. Так, он пишет, что уже в настоящее время, “так как идея управления заменила собой идею организации, естественно, что тема самоуправления заменяет тему социализма, то есть рабочего контроля организации труда” [1, с. 139]. Отсюда решение многих актуальных проблем, особенно тех, что затрагивают конкретных людей с их конкретными интересами, необходимо сместить с общенационального на региональный и местный уровень. “Исходным рубежом борьбы против “выпадения” человека из общест-

ва, его десоциализации является местная власть”. И вообще, по мнению Турена, “главные проблемы Европы стоят сегодня на коммунальном уровне” [3, с. 46]. Поэтому весьма актуально говорить не только о единой и целостной Европе, но и о Европе регионов, Европе общин, более того, с его точки зрения, “Европа, созданная по образцу и подобию Великой Франции, не имеет смысла”. Многие граждане, в частности во Франции, выступая в пользу ЕС, стремятся “защититься от абсолютного национального государства с его чрезмерным принуждением. При помощи Европы в первую очередь хотят “ускользнуть” из-под французской администрации. Этот феномен в действительности существует и в других странах. Я полагаю, что в нем заключен один из важных исходных пунктов для определения той модели общества и культуры, которая, собственно говоря, идет вразрез с европейской традицией” [3, с. 47], — пишет французский социолог.

В новом обществе область (объект, объекты) социального конфликта нельзя четко определить, тогда как ранее это были земля, права и свободы гражданина, справедливое вознаграждение трудящихся и т. п. Кроме того, размыты и границы сторон конфликта. Одним из его субъектов является власть как таковая, в некоторых формах присутствующая и в гражданском обществе и новых социальных движениях. Вместе с тем “в программированном обществе активность принадлежит социальному действующему лицу в любой из его ролей, можно почти сказать, что это — человек как живое существо. Вот почему требование выдвигается от имени целого, идет ли речь об индивиде, взятом в его телесности и его проектах, или о сообществе”. Таким образом, субъектами современного конфликта в наиболее общем виде являются Власть и Человек вообще. В модернизированной и наиболее актуализированной форме это конфликт между государством и гражданским обществом. В силу этого конфликт обладает исключительной масштабностью, тотальностью, он повсеместен, может вспыхнуть повсюду и в любое время. Но в этом же заключается и его слабость, так как почти исключена возможность “большого пожара” [1, с. 139]. Турен считает, что “программированное общество является ... обязательно обществом протеста, воображения, утопии, так как оно целиком основано на социальном конфликте между аппаратами, которые имеют способность и власть программировать, и теми призывами к творчеству и счастью, которым постоянно угрожает логика вышеназванных аппаратов” [1, с. 144].

С точки зрения Турена, природу современного социального конфликта в новом обществе определяют четыре момента.

Первый: постепенно и постоянно исчезают сферы общества, которые ранее от конфликтов защищало священное (религия), традиционное, национальное, идеологическое. Новый конфликт пронизывает все общество, все его сферы, ранее свободные от старого конфликта: науку, образование, частную жизнь (семью, воспитание, сексуальные отношения и т. д.). Такое распространение конфликтов ослабляет роль *интеллигенции* как совокупности образованных людей, служащих посредниками между политической системой и слоями населения, исключенными из нее [1, с. 147].

Второй момент: новый конфликт, и в этом его главная трансформация, разворачивается не во имя гражданина, трудящегося или простого человека, а во имя коллектива. То есть борьба ведется не за политические права против феодальной аристократии, не за справедливое материальное вознаграждение против капиталистического предпринимателя, а ведется еще

большая борьба в защиту требований всех и каждого конкретного человека, реализующего себя как человек только через коллектив. Эта борьба ведется против аппарата господства, самого господства как господства вообще, против манипуляции человеком, принижения его как личности.

Турен пишет, что “сопротивление глобальному господству не может происходить в рамках какой-либо одной социальной роли, оно получает значение, только если мобилизуется весь коллектив в целом” [1, с. 149]. По существу это означает, что в конфликт оказывается втянутым и участвует в нем каждый, независимо от того, осознает он это или нет, участвует ли он активно или пассивно, организовано или стихийно. Собственно, это борьба не столько против отдельных личностей или социальных групп (классов), сколько против “системы”, организации, безличного бюрократического аппарата, существующих норм и правил поведения, в том числе в области культуры и морали, против самой культуры и морали [см.: 4].

Третий момент: распространенность конфликта по всем сферам жизнедеятельности общества и вовлеченность в него каждого приводят к стиранию грани между конфликтами и другими типами нонконформистского поведения, включая порочные и криминальные, к стиранию различия между оппозиционером и лицом, имеющим отклонения от нормы, или преступником. Более того, конфликт создается посредством вытеснения из общества различных социальных групп. Специально и сознательно такой политикой формируются различного рода маргиналы и меньшинства, которые являются оппозицией и не могут не вступать в конфликт, противостоя господству безличного аппарата. Именно “они являются источниками глобального протеста и в то же время местами добровольного и зависимого уединения. Не организуются ли в маргинальные города такого типа молодые и старые, с характерным для них неучастием в больших организациях?”, — пишет Турен. В силу этой двойственности маргиналов и разных меньшинств конфликт как бы растворяется: “...кажется все более трудным увидеть непосредственно “чистые” фундаментальные конфликты. Все смешивается теперь, маргинальность и эксплуатация, защита прошлого и требования относительно будущего” [1, с. 153]. То есть путем создания изгоев конструируется своеобразный клапан для выхода накопившегося в обществе потенциала конфликтности, социальной напряженности. Новый конфликт создается системой, даже если для него отсутствуют объективные причины.

Четвертый момент: исчезает основополагающая, наиболее значимая функция конфликта. “Мы открываем, что классовые конфликты не являются более инструментами исторических изменений” [1, с. 154], — заявляет Турен. Это происходит в силу того, что отбрасываются концепции историзма и эволюционизма, оппозиция не создает новых утопий, новых идеалов будущего, не формулирует новые цели и ценности. Не возникает более таких мощных оппозиционных движений, как ранее рабочее (в XIX–XX веках), а имеющаяся оппозиция “дробится”, распадается, не может обрести единства, которое придало бы ей значимость и влияние. Ее объединяет сейчас только критическое отношение к системе.

Чтобы преодолеть эту ситуацию и эффективно бороться с системой и господством аппарата, необходим новый тип демократии, основными качествами которой должны быть глобальность и культурность. Турен, в частности, утверждает: “Перед лицом правящих аппаратов, руководящих все более всеми аспектами социальной жизни, демократия может быть только

глобальной, культурной в том смысле, в каком говорили о культурной революции. Конфликт, стало быть, должен существовать и признаваться во всех областях социальной жизни и, особенно, на уровне социальной и культурной организации, то есть установленного порядка. Повсюду, где существует порядок, должно существовать его оспаривание” [1, с. 155]. Общество “осознает себя как конфликт”, потому что оно представляет собой борьбу противоположных интересов за контроль над его способностью воздействовать на самого себя [1, с. 156]. Собственно говоря, общество, конфликтуя, точнее вступая в конфликт само с собой, формирует, создает само себя, избавляясь этим от господства, от системы, от авторитаризма.

Пытаясь найти какое-либо фактологическое обоснование своей концепции, Турен говорит о развитии все более и более разнящихся культур, представляющих собой разновидности контркультуры и проявления бунта [1, с. 46].

Вместе с тем конкретное проявление нового социального конфликта, согласно Турену, находит свою реализацию в реально существующих новых общественных движениях. Он отмечает, что в конце 60-х и в 70-х годах XX века на Западе был определенный подъем различных массовых общественных движений, которые можно назвать новыми. Это были экологические, антиядерные, феминистские и другие движения широких масс населения. Однако затем произошел их спад. Поэтому Турен задается рядом вопросов. Почему происходили сначала их подъем, а затем спад, каковы последствия этих процессов? Являются ли они результатом политической или иного рода конъюнктуры? Каковы временные, исторические, социально-политические и иные границы общественных движений?

Считается, в частности, что недостатком новых общественных движений первой волны была их тесная связь с разного рода идеологиями (например, с гошизмом — леворадикальным политическим движением и теоретическим направлением, близким к анархизму и причастным к событиям “красного мая” 1968 года во Франции). Такие идеологии ставили под вопрос господство “центральной политико-экономической власти”, что совершенно не соответствовало сущности и природе этих движений. Сами же они оказывались не способными к созданию новых политических организаций и идеологий “большого значения”. Результатом их деятельности было лишь создание слабых экологических (“зеленых”) партий, выдвижение кандидатов на различные выборные должности, которые собирали значительно меньше голосов, чем можно было бы предвидеть.

Вместе с тем развитие любого массового движения, в том числе и новых общественных движений (НОД), необходимо рассматривать в соответствии с двумя фазами экономической (и социально-политической) конъюнктуры. Период роста экономики и ее успехов весьма благоприятен для развития массовых движений, а период спада экономики приводит их к кризису. В это время весьма актуальными становятся политические проблемы, которые не должны быть приоритетными для новых общественных движений и возникновение которых констатирует упадок последних.

Этот упадок проявляется, например, в активизации терроризма. Активисты массовых движений, особенно старых, идеологизированных и уходящих с политической сцены, путем террора пытаются “оживить” их, придать им “новое дыхание”, массовость, поднять их политическое значение. Это происходит в условиях кризиса государственных структур (их деин-

ституционализации), ослабления роли старых массовых движений и их идеологии, а также активизации “поведения кризисного типа” [1, с. 161] в разных его формах. Собственно, терроризм в некоторой мере и есть реакцией на отсутствие или кризис массовых движений (как старых, так и новых), своеобразной их альтернативой.

Другой альтернативой массовым движениям может быть их преждевременная институционализация в форме появления групп давления в разных органах власти и в политической системе в целом. Они добиваются легальным путем решения каких-либо проблем (экологии, образования и т. д.), на основании которых могли бы возникнуть новые общественные движения. Условием реализации этой альтернативы является отсутствие кризисной ситуации, особенно в сфере политики, наличие развитого парламентского и социал-демократического опыта.

Еще одной альтернативой НОД становятся маргинализация и криминализация отдельных индивидов и целых социальных групп (особенно молодежи, безработных и т. п.), которые могли бы составить массовую социальную базу для новых общественных движений.

Альтернативой НОД может быть и институционализация конфликта и новых общественных движений, которые в этом случае имеют тенденцию снижаться до уровня “социальных проблем” и даже проблем частной жизни. Например, после того как были приняты важные законы, отвечающие феминистским требованиям, движение женщин оказалось вообще ослабленным, такая “преждевременная институционализация служит помехой для формирования настоящих общественных движений”. Это обусловлено тем, что происходит подмена главной цели общественных движений некими частными, что ведет к рассеиванию центрального конфликта на множество частных, второстепенных или вообще незначимых. Однако “когда слабеют в западном мире реалити и идея классовой борьбы, тема Прав Человека приобретает все свое значение, заставляя ожить традиционную борьбу гражданского общества, которую ведут против государства и его военной и полицейской власти интеллектуалы” [1, с. 162]. Она составляет сущность новых общественных движений и заменяет устаревавшую классовую борьбу в индустриальных странах Запада, поскольку “абсолютное государство заменило собой правящий класс” [1, с. 163]. Таким образом, необходимо говорить скорее не об упадке или исчезновении новых общественных движений, а об их “медленном и трудном рождении”.

Местом или предметом нового социального конфликта становится не организация труда, а производство потребностей. В этом их принципиальное отличие от старых социальных движений, в первую очередь от рабочего в любых его формах. Рабочее движение не было полностью общественным, оно во многих странах было подчинено политическому действию, связанному с идеей революции, то есть насильственного завоевания государственной власти. Поэтому, говоря о новых общественных движениях, нельзя их сравнивать с рабочим движением.

Сегодня “общественные движения могут развиваться независимо от политических действий и характеризуются прежде всего тем, что являются чисто социальными” [1, с. 164]. В этом их специфика и новизна, поэтому необходим их союз с движениями культурными. Акцентирование ими политических проблем представляет собой проявление их слабости, в то время как в политизации рабочего движения заключалась его сила.

Новые общественные движения отличаются от старых не только по своему характеру, но и по форме и по задачам. Они воплощаются в группе лиц, формирующих общественное мнение. Новое общественное движение, в отличие от рабочего движения, может быть несконцентрированным (тогда как в концентрации сила рабочего движения), а рассеянным, и в этом может быть его сила. За новые общественные движения не голосуют сегодня на выборах, но пропагандируемые ими идеи, провозглашаемые ими цели и задачи поддерживает большинство населения. Поэтому они лишь кажутся слабыми, по причине их сравнения с рабочим движением.

Рабочее движение, как и многие другие старые движения, действовало во имя будущего, а “сегодняшние общественные движения — во имя реализации “уже сегодня” имеющегося у них образа социальной жизни”.

Старые общественные движения традиционно рассматривались только как подготовительный этап революции. Они воспринимались “в качестве исторических агентов прогресса, разума и науки и революции, взятой как уничтожение иррациональности традиций и привилегий и учреждение общества, управляемого по своей природе законами функционирования и эволюции” [1, с. 196]. Новые социальные движения же направлены не на осуществление революции, а на достижение демократии, ограничение всевластия государства в рамках данного общества, на его преобразование посредством контроля, управления и создания новых культурных моделей. У новых движений “протест находится на более глубоком уровне культурных ценностей” [1, с. 187]. Собственно говоря, новые общественные движения более прямо, чем предыдущие, ставят под вопрос ценности культуры и общества и основываются не только на социальных, но и на интеллектуальных и этических убеждениях.

В результате новые социальные движения оказываются все более автономными по отношению к политике и политическим требованиям, но вместе с тем занимают центральное место как фундаментальное условие демократической политической жизни. Хотя, как считает Турен, они создают слишком большую дистанцию между социальным протестом и политическим действием [1, с. 190].

Следует также отметить, что старые движения, особенно рабочее, были, по сути, инструментальными, то есть использовались в качестве инструмента той или иной политической силой для достижения своих целей и решения политических задач. Новые же движения являются, прежде всего, экспрессивными, служа примером поведения и действия для других политических и социальных сил, пытаясь создать такие отношения между субъектами, в которых бы ни один из них не диктовал другому смысл и формы его поведения.

Вместе с тем Турен ставит вопрос: “...как могут движения общественной природы соединиться, сконцентрироваться и организовать в коллективные действия, способные поставить под вопрос центральные формы социального господства и стать, таким образом, настоящими общественными движениями?”. Отвечая на него, французский социолог отмечает, что новые общественные движения существуют как бы в трех социальных пространствах: коллективного действия, социальной организации и систем (или принятия решения). Во временной последовательности, в первую очередь, необходимо “включиться в социальную организацию”, осознавая и “создавая свою способность к протесту” [1, с. 165]. На втором этапе способность к протесту должна воплотиться в группы давления, которые должны приоб-

рести некоторое политическое влияние. Однако этот этап не тождественен преждевременной институционализации, которая тоже может проявляться в формировании групп давления. Одинаковые по форме процессы протекают в разных условиях, имеют разные социальные последствия и поэтому отличаются по своей сущности. Третий этап — переход от политического давления к собственно новым общественным движениям. Для этого необходимо сформировать “ясное видение социального противника”, сознательно противопоставить себя ему и идентифицировать себя как новое социальное движение с некими культурными ценностями, что может происходить в процессе социологической интервенции.

Данный процесс встречает несколько существенных препятствий, среди которых важнейшим является недостаточная готовность к нему интеллектуалов, которые продолжают интерпретировать прошлую практику и прошлую борьбу вместо анализа новых социальных фактов, что препятствует адекватному и эффективному объяснению существующей реальности. Очень много эти новые, по существу, движения идентифицируют себя как проявление новых фронтов антикапиталистической или антиимпериалистической борьбы, которая выступает для них основной осью или центром всех конфликтов. Поэтому переход от второго к третьему этапу, то есть “преобразование силы политического давления в общественное движение оказывается трудным” [1, с. 167].

Отсутствие нового сознания характерно и для представителей власти — технократов. Их классовое сознание определяется в настоящее время в большей степени механизмами перехода к постиндустриальному обществу (которые сейчас более важны для них, а главное — более очевидны), чем механизмами его функционирования. Технократы преувеличивают значимость старых классов и социальных групп и государства, умаляют роль культурных ценностей (культурных моделей), смешивают области социальных, социокультурных и политических отношений, что проявляется в их представлениях о новых социальных движениях как движениях, претендующих на политическую власть.

При этом обе стороны нового социального конфликта неясно формулируют свои цели и задачи борьбы, смутно представляют ее реальные последствия. Они не осознают, что целью деятельности как правящего слоя, так и оппозиционных движений становится управление способностью общества воздействовать на поведение своих членов, на их потребности и представления, то есть на общественное мнение.

Препятствием для формирования новых общественных движений является недостаточная гибкость больших организационных аппаратов — как в сфере экономики, так и в сфере политики. Они мало репрессивны, но не ориентированы на проведение реформ, на самотрансформацию, поэтому их недостаточная гибкость может привести силы недовольства к бунту, восстанию, революции.

Поскольку открытость системы (то есть ее демократичность) может привести к преждевременной институционализации конфликтов, вне движения могут оказаться значительные группы носителей протеста, не склонных и не идущих на переговоры (так и возникает угроза терроризма, маргинализации). Однако такие не полностью сформировавшиеся группы давления могут “легко выразить себя” на собственном политическом уровне в качестве самостоятельных автономных акторов. Иными словами, лидеры или

активисты НОД могут оторваться от масс. Вместе с тем закрытость организаций и репрессивность системы (госаппарата) может превратить силы протеста в “революционного агента”. Комбинации этих моментов могут благоприятствовать или не благоприятствовать развитию событий в том или ином из рассмотренных выше направлений.

В настоящее время на Западе есть в большой мере институционализованные силы, выдвигающие различные требования и не желающие идти на переговоры и компромиссы. Но “кажется затруднительным, чтобы недовольство преобразовалось в бунты, а последние — в революционные движения в странах, где велика политическая открытость” [1, с. 168]. В этих странах существуют и движения, которые исходят из воли к “политическому разрыву” (экстремизму, нелегитимным действиям и т. д.) и одновременно активно участвуют в политической жизни, являясь “силой обновления и расширения демократии”. Никакая из этих форм борьбы не может быть обозначена как главный конфликт, вокруг которого могли бы объединиться все другие. Необходимо объединение различных общественных движений, но это требует усиления морального измерения каждого из них, проявления ими воли к тому, чтобы понять, признать и утвердить права всех других субъектов как равных, проникновения социальной борьбы в область культуры и личности, что способствует интеграции различных форм борьбы в общее социальное движение. По этому поводу Турен делает вывод, “что современная ситуация в западных индустриализованных обществах благоприятна для формирования оппозиционных течений и даже для их преобразования в группы давления, но момент их превращения в общественные движения еще не наступил” [1, с. 167–168].

Кроме того, для появления на Западе новых общественных движений существует ряд серьезных угроз, являющихся во многом субъективными. Во-первых, страны Запада начинают терять свою гегемонию в мире и, как следствие глобализации и интеграции, известную долю своего суверенитета. В таких странах “проявляется воля к разрыву с господством иностранного происхождения, которая ведет скорее к партизанской войне, чем к массовому действию” [1, с. 171]. Во-вторых, в этих странах все более ощутимой становится тенденция к утверждению жесткой идентичности, что проявляется в форме радикальных национальных или этнических движений, не всегда совместимых с демократией. Третьей и самой опасной угрозой для новых общественных движений является позиция левых интеллектуалов, так как “издавна в западной традиции не отделялись друг от друга общественные движения, демократия и революция” [1, с. 174]. Однако историческая практика, особенно XIX и XX веков, доказала постепенное разделение этих понятий, как и феноменов, ими отображаемых. Но среди левых интеллектуалов продолжает сохраняться стремление к их интеграции. Считая, что общественные движения посредством своего революционного действия способствуют укреплению и расширению сферы действия демократических институтов [1, с. 180], они склонны к открытой поддержке режимов, далеких от демократических принципов.

На основании вышеизложенного можно сделать некоторые обобщения. Раскрывая сущность и содержание современного, или нового социального конфликта, А. Турен указывает на его особенности.

Прежде всего речь идет о его тотальности, всеобщности, вездесущности. При этом важно не только его объективное тотальное присутствие во всем

настоящем социальном времени и актуальном социальном пространстве, но и понимание такого модуса существования конфликта в социуме. Можно сказать, что это расширяет современное восприятие конфликта как нормы, постоянно и неизменно, везде и всегда присутствующей и реализующейся, то есть имеющей в настоящее время тотальный характер.

Исходя из такого понимания современного конфликта, Турен указывает и на вторую его особенность, его индивидуализацию, рассматривая ее как одно из важнейших направлений изменений, которые происходят в современном мире и требуют осмысления для более глубокого понимания современного социума [5, с. 50]. “Современный мир пришел к такому состоянию, когда стало ясно, что индивид и общество не соответствуют друг другу... Мир Эроса, либидо и мир рациональной организации, принцип удовольствия и принцип реальности антагонистичны, и человеческое бытие, как индивидуальное, так и коллективное, плохо управляется этим антагонизмом” [5, с. 52]. Как полагает Турен, принцип удовольствия, счастье человека, его индивидуальное бытие сегодня приобретают все большее, если не доминирующее значение. Применительно к конфликту индивидуализация проявляется во многих аспектах. В частности, происходит уменьшение значимости в развитии конфликта таких его акторов, как интеллектуалы, элита, образованные граждане вообще в качестве посредников, организаторов и идеологов, но возрастает роль отдельных конкретных индивидов, несмотря на коллективный характер конфликта. Каждый участвует в конфликте (в чем тоже состоит проявление тотальности). Это придает конфликту все большую стихийность и все меньшую организованность. Не каждый индивид знает, хочет или может действовать в соответствии с определенными правилами протекания конфликта и иными легитимными и легальными нормами. Конфликт вообще может протекать без всяких правил и норм. Такое ослабление норм может вести к социальной дезорганизации, то есть к деинституционализации, однако может означать и “усиление культурных ценностных ориентаций, которые сегодня отделены от социальных норм и конструированы в противоположность им” [6, с. 10].

Особенности нового конфликта во многом обусловлены сущностью и ролью существующей в современном обществе власти, отличающейся тотальностью, всепроникаемостью, высочайшей концентрацией, создающей потребности и культурные модели потребления — как для индивида, так и для социальных групп и общества в целом. Поэтому центральный социальный конфликт сегодня разворачивается между производством потребностей и управлением ими и самим потребителем [2, с. 423]. Поскольку одной из сторон в современном конфликте оказывается не господствующий класс и не доминирующая социальная группа, а власть вообще, другая сторона — потребитель, то есть каждый конкретный индивид, человек вообще — борется против власти вообще, против господства вообще (против навязывания потребностей) в пользу индивида. Это борьба против “системы”, борьба каждого за каждого, хотя и посредством коллектива.

Производство потребностей как основной объект конфликта проявляется в социальных проблемах во всех сферах жизнедеятельности индивида, в его “человеческих” проблемах, относящихся, в том числе, и к его частной и даже интимной жизни. Его интересы, в первую очередь, должны быть институционализированы и институционализируются как права человека, предстающие в восприятии индивида как основания его личного счастья. “В

программированном обществе, — пишет Турен, — единой основой как протеста, так и контрнаступления является счастье, то есть всеохватывающее понятие организации социальной жизни, основанной на учете потребностей индивидов и групп в обществе” [2, с. 424]. Таким образом, современные конфликты возникают не по поводу собственности на средства производства, а по поводу присвоения индивидуализации [5, с. 53].

Индивиду как человеку вообще противостоит “обезличенная” (в любой ее форме) власть вообще, реализующая свои цели, задачи и полномочия посредством “обезличенного” господства. Индивид же как сторона конфликта приобретает двойственный характер. С одной стороны, как конкретный индивид (частное лицо) он должен бороться против власти, а с другой — часто будучи сам ее структурным элементом в качестве должностного лица (как президент, прокурор и т.п.), должен защищать власть, отстаивать “систему”. Его действия имеют объективно необходимый, а не субъективно-личностный характер и часто осуществляются помимо его желания и воли. Вместе с тем такие действия не являются, особенно в современных условиях, фатально неизбежными: индивид и как должностное лицо может уйти в отставку, отказаться выполнять приказ, участвовать в войне и т. д. Поэтому внутривластные конфликты, например внутри крупных организаций между директорами и исполнительным персоналом, в современном обществе приобретают специфическое значение [подр. см.: 2, с. 423]. Внутривластные конфликты, конечно, существовали всегда, однако это были конфликты за власть между индивидами, семьями, кланами, социальными группами, но не конфликты против власти как таковой, тогда как многие современные внутривластные конфликты приобретают специфическую антивластную наполненность. Поэтому, как утверждает А.Тюффлер, необходим новый тип демократии, нужно ее новое понимание, новые теории, раскрывающие ее сущность. Он делает акцент на формуле К.Лефора, согласно которой “демократические общества сегодня не те, которые поменяли на троне одного государя на другого, а те, которые оставили трон пустым или сожгли его” [цит. по: 6, с. 11].

В современном конфликте нет “чистых” социально-классовых субъектов, как нет и “чистых” по своему содержанию (политических, экономических и т.д.) “фундаментальных” конфликтов. И “чистый” конфликт, и его “чистые” субъекты “растеиваются”. Конфликт как бы “растворяется” в социуме, что придает ему тотальность.

“Растворяются” и субъекты конфликта, а его антивластная, или антинормативная направленность приводит к стиранию грани между конфликтом как протестом или борьбой и иными формами неконформистского поведения, включая криминальное. Если у индивида, осознает он это или нет, отсутствует “приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка вещей, господствующих мнений и т.д.” [7, с. 277], речь идет о неконформистском конфликте вообще, что также является формой проявления тотальности.

Наконец, важнейшей особенностью современных конфликтов является их конструируемость. Конфликты искусственно создаются по воле и желанию тех или иных сил, но более того — создаются, конструируются и их субъекты.

Оценивая концепцию А.Турена, необходимо остановиться еще на одном аспекте. Многие исследователи его творчества, особенно в советский период, подвергая его идеи критике, указывали на связь их с гошизмом [см.: 8, с. 86, 89, 90 и др.]. При этом критики исходили из того, что положения Ту-

рена относятся к эпохе индустриального общества, капитализма и социализма, периоду классовых конфликтов, в которых одним из главных акторов был рабочий класс. Такая критика не совсем адекватна. Однако нужно признать, что некоторые идеи Турена действительно близки к левому радикализму. И в частности это касается его концепции социологической интервенции — и как познавательного метода, и как непосредственной практики.

Цель социологической интервенции, как утверждает Турен, состоит не в предвидении событий, но в анализе механизмов формирования коллективных действий и, на высшем уровне, общественных движений [см.: 1, с. 122–123]. Вместе с тем данный метод воплощается в специфической практике, в социологии действия. Его сущность — в концентрации внимания на действующих лицах, взятых в их конкретном существовании, но только одного этого недостаточно. Необходимо создавать такие ситуации, “где тяжесть повседневного положения насколько возможно уменьшена, что позволяет действующему лицу выражать наиболее сильно свое оспаривание этого положения, свои цели и свое понимание тех конфликтов, в которые он оказался включен в процессе достижения данных целей”. Исследователь изучает и анализирует не глобальную или всеобщую историю, историю классов или наций: он достаточно долго и углубленно изучает поведение конкретных, ограниченных групп индивидов. При этом изучение превращается из потребления общества (познания) в его производство (практику), поскольку исследователи непосредственно вмешиваются в процессы изменения социума. Благодаря такого рода социологической интервенции “действующее лицо может подняться с одного на другой уровень социальной действительности и перейти от поведения ответа и адаптации к поведению проекта и конфликта” [1, с. 118], — пишет Турен.

Небольшие группы являются базой массовых движений: в этом их значимость, и именно поэтому они должны быть объектом исследования. Важен скорее не размер группы, а ее специфика. Группы действующих лиц, “*группы интервенции*”, помещаются в искусственно созданную ситуацию, в которой люди в большей мере “воспринимают себя производителями истории, историй, изменения собственного положения, чем в обычной жизни” [1, с. 119]. В группе интервенции выделяется “*группа активистов-аналитиков*”, которая может и совпадать с ней по составу. Так, активисты, будучи действующими лицами, не прекращая своей деятельности, проводят также аналитическую работу по отношению к ней. При этом между ролью активиста и ролью аналитика-участника нет противоречия, поскольку анализ направлен на выявление глубочайшего смысла действия. Но различие между ними есть: действующее лицо отстаивает свои идеи, идеологию, свои интересы, свою деятельность, а аналитики — их смысл и значение. Кроме отмеченных двух групп формируется и третья — “*собеседники*”, являющиеся “дружественными или враждебными социальными партнерами в реальной жизни”. Существует, наконец, и четвертая группа — “*исследователи*”. “Собеседники”, используя в первую очередь свой опыт, а не идеологические установки, обмениваются мнениями с действующими лицами (“группой интервенции”). Задача же исследователей состоит в том, чтобы “помешать беседующим сторонам избежать дискуссии или искусственно ее ограничить”, поскольку важно, чтобы внутри группы проявилось как можно большее разнообразие и были представлены главные направления борьбы или действия, а также “чтобы одновременно изучались действующие лица, включенные в социальное отношение” [1, с. 120].

Таким образом, после “встреч” действующих лиц с собеседниками под контролем исследователей проходят “закрытые (раздельные) заседания” групп интервенции, на которых рассматриваются прошедшие встречи с собеседниками и анализируется поведение их участников. В процессе “закрытых заседаний” исследователи изучают поведение действующих лиц и проводимый ими самоанализ с целью развития сознания.

Затем группы действующих лиц (интервенции) объединяются и действуют совместно, как “*группы свидетелей*” ранее происходивших дебатов с собеседниками. В этих группах происходят дискуссии, подобные предшествующим, но в ходе последних дебатов “группы свидетелей” трансформируются в “*группы лиц*”. Это происходит как поворот, состоящий в “установлении дистанции по отношению к практике и в выработке общих ее интерпретаций” [1, с. 121]. Этот переход от идеологического анализа к идентификации присутствующего в действии общественного движения Турен называет “*конверсией*”. Ее можно стимулировать и ускорить действиями исследователя. Он представляет группе действующих лиц, переходящих от “группы свидетелей” к “группе лиц”, некий образ общественного движения, придающий их действиям высший моральный, эстетический, идеологический, политический и т. п. смысл. В этом плане социологическая интервенция сводится “к акту внушения тем более успешному, что исследователь предлагает группе очень лестный образ ее практики и сам становится в положение лидера группы” [1, с. 124]. При этом группа действующих лиц должна признать предлагаемый им образ своим и самоидентифицироваться с ним, воспроизводя в своих дальнейших действиях цели, задачи, мотивы и поведение данного общественного движения.

На примере метода и практики социологической интервенции Турен показывает, как могут конструироваться те или иные (в принципе, любые) социальные группы, социальные движения, конфликт, деятельность индивидов, а также сами индивиды и общество. В этом Турен близок к Марксу, который в “Тезисах о Фейербахе” пишет: “Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*” [9, с. 2]. Правда, Турен игнорирует “изменение обстоятельств” и их “совпадение” с изменением человеческой деятельности, и в этом моменте расходится с Марксом.

Если исходить из представленного Туреном подхода, наука трансформируется в социальную технологию, в средство манипуляции людьми, из средства познания истины превращается в институт власти, в самую обезличенную власть, которую критиковал Турен. Речь идет не об описании и объяснении действительности в целом (“обстоятельств” и “изменения обстоятельств”, по Марксу), а об исследовании “ограниченных групп”, их деятельности, изменении их “здесь и сейчас” в расчете на то, что данные изменения изменят и общество в целом. Работа Турена, в этой своей части, направлена скорее на пропаганду или даже на “живую практику” (“прямое действие”) по преобразованию мира. Когда он пишет о том, чему надлежит быть “так и сейчас”, о том, как действовать “так и сейчас”, это и есть определенная форма историцизма (согласно Попперу) — “исторического пророчества” [см.: 10, с. 32], проецируемого на настоящее, с характерной для историцизма линейностью, отрицанием или игнорированием вариативности развития и т.п. Турен исходит из долженствования в действительности; рассматриваемая

часть его работы сродни инструкции, указанию на осуществление “прямого действия”, не лишённого левацкого радикализма.

К такому пониманию идей Турена склоняют и его высказывания о возможности игнорирования субъектом тех или иных норм в своем поведении, о борьбе против власти вообще, а значит, и против власти морали или культуры, что весьма близко к анархизму.

Однако среди изложенных выше идей А. Турена есть и положения методологического характера. В частности, он выделяет в самом общем виде такие специфические особенности современного социального конфликта, как тотальность, растворенность, антивластность, нонконформизм, конструируемость, деинституционализация, индивидуализация, деидеологизация. В настоящее время во многих развитых странах новые общественные движения как формы проявления современного социального конфликта сводятся к столкновению государства и гражданского общества, в первую очередь, по поводу создания, использования, управления и контроля в отношении разнообразных социокультурных ресурсов. Такой конфликт предполагает не завоевание власти, а установление контроля над индивидами посредством формирования необходимого для определенного социального движения общественного мнения.

А. Турен применяет для исследования общества и решения различных социологических проблем конфликтную парадигму. То есть конфликт является для него не только объектом исследования, но и методологическим основанием — “источником размышления”, как он пишет, исходя из которого создаются его логические построения и устанавливаются цели и задачи. Поэтому Турена можно отнести к представителям теории социального конфликта, наряду с Дарендорфом и Козером. Он прямо пишет, что “нужно бы поставить конфликт в центр анализа общества” [1, с. 67]. Однако не следует забывать, что с точки зрения самого Турена существовавшие ранее теории и концепции социального конфликта не только устарели и не в состоянии адекватно объяснять протекание конфликтов, их причины, механизм и социальные последствия, но и препятствуют конструированию нового общества, программируемого акторами посредством разного рода социальных конфликтов.

Литература

1. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М., 1998.
2. Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // Новая технократическая волна на Западе. — М., 1986. — С. 410–430.
3. Делор Ж., Асснер П., Ле Гофф Ж., Турен А. Что такое Европа? // Свободная мысль. — 1992. — № 10. — С. 41–47.
4. Турен А. Социальные движения, революция, демократия // Свободная мысль. — 1991. — № 14. — С. 32–43.
5. Турен А. Социальные изменения двадцатого столетия // Социологическое обозрение. — 2002. — Т. 2. — № 4. — С. 49–54.
6. Турен А. Социология без общества // Социологические исследования. — 2004. — № 7. — С. 6–11.
7. Философский энциклопедический словарь. — М., 1989.
8. Посконин В.С. Французская публицистика и историография “красного мая” 1968 г. — М., 1982.
9. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — М., 1955. — Т. 3. — С. 1–4.
10. Поттер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. — М., 1992.